

II.

Разбиты шатры, утомонились понемногу верблюды и люди... Солнце уже закатилось, и ночь какъ-то незамѣтно, неслышно подкралась и опустилась надъ пустыней... Есть зѣри и въ пустынь, и онѣ такъ прекрасны, что ихъ не опишетъ никакое перо, ихъ надо видѣть, чтобы имѣть понятіе... Но того сумрака, который бываетъ у насъ на сѣверѣ передъ наступленіемъ ночи, не бываетъ въ пустынь. День смѣняется ночью прямо, какъ только дневное свѣтило утонетъ въ золотѣ, пурпурѣ, лазури и огнѣ за песчаною каемкою, за которую уходитъ горизонтъ пустыни. Ночи и зѣри въ пустынь—это гордость ея; лучшаго она дать не можетъ, да и трудно себѣ представить что-нибудь лучшее на землѣ...

Суетня и бѣготня въ нашемъ становищѣ уже прекратились... Человѣкъ и животное отдыхаютъ въ ночной тиши. Кое-гдѣ вспыхнули огоньки, зажженные изъ сучьевъ тарфѣ (манновыхъ деревьевъ), бурьяну и навозу, отчасти привезенныхъ издали, отчасти собранныхъ по берегамъ привѣтливо журчащаго ручейка. Какъ отрадно, тихо и спокойно все вокругъ! Какъ все дышетъ нѣгою, покоемъ и южною ночью! Не могу успокоиться только я, потому что вниманіе мое развлечено разнообразными сценами усыпающагося каравана. Наконецъ вниманіе мое остановилось на группѣ, которую я замѣтилъ уже давно. Не видѣя мирно отдыхающаго каравана, не прелесть ночи, къ которымъ я успѣлъ уже присмотрѣться впродолженіе многихъ дней, привѣтныя въ пустынь—привлекли мое вниманіе, а тѣ бѣлыя странныя фигуры, которыя я замѣтилъ еще издали лежащими на бокахъ верблюдовъ... Я видѣлъ, какъ ихъ бережно снимали, какъ ихъ укладывали на песокъ, предварительно устроивъ нѣчто въ родѣ постели, какъ ихъ накрывали шатромъ; видѣлъ даже, что эти фигуры двигались, но подходить къ нимъ не рѣшался, думая, что это похищенные, выкраденныя гдѣ-нибудь по дорогѣ... Зная же ревность мусульманъ по отношенію къ женщинамъ и свое положеніе одного среди десятковъ правобѣдныхъ, я не могъ и думать поближе разсмотрѣть предметъ, привлечшій мое вниманіе.

Недавняя встрѣча съ торговцами невольницъ на берегу Краснаго моря такъ врѣзалась въ мою память, что я и теперь чуть не въ каждомъ арабѣ пустыни видѣлъ продавца живого товара. Въ данномъ случаѣ подобное подозрѣніе было вовсе не